

Рона Рэйн

СНЕЖНЫЙ ФЕНИКС

Рона Рэйн

СНЕЖНЫЙ ФЕНИКС

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73067468

SelfPub; 2026

Аннотация

Без прошлого нет будущего. Без прошлого не оказалось и меня.

Эти слова звучат просто, почти банально – пока не пропустишь их через себя, пока не ощутишь на вкус, как горький настой из воспоминаний, потерь и обретений.

Содержание

Глава 1. Нежданный гость	4
Глава 2. Узор из инея	13
Глава 3. Тихий шёпот	22
Глава 4. Хрустальное кольцо	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Рона Рэйн

Снежный феникс

Глава 1. Нежданный гость

Наверняка когда-нибудь меня спросят: «С чего вообще началась эта история?» И я, конечно же, отвечу: «С утра!»

Да-да, именно с утра – того самого, когда куранты уже отбили двенадцать ударов, отгремели все салюты, а на столе не осталось ни кусочка оливье или заливного. Когда последнее шампанское выпито, и ты вдруг осознаёшь: ты совершенно одна во всём огромном мире.

Меня зовут Аврора Алис. И вот моя история.

– Как отомстить парню за 5 минут?

Очередной поиск в сети не дал ничего толкового, а руки так и чесались – хоть что-нибудь да устроить своему уже бывшему парню! Этому Валере с его идиотским именем и идиотскими тапками!

Хотелось отомстить с огоньком – так, чтобы в его наглых глазюках потом фиолетовым светом заиграло!

«У Локиморья – дуб фиолетовый...» – вдруг пронеслось в голове. Я поморщилась: ну вот, опять эта фраза! Случайно подслушанная в метро у девчонок, она никак не желала вылетать из головы. Тьфу! Целую новогоднюю ночь на языке

вертелась!

– А может, я сожгу его халат? Тот самый, с пандами, что подарила ему на прошлый Новый год...

Хотя... и что я этим докажу? Наверняка Верка, гадюка, такой же ему дарила. Вместе же с ней в этот магазин ходили! Эх...

Так, ладно! Чёрт с этим ослом! Мне срочно нужны сладкие углеводы! И кофе – крепкий, бодрящий, спасательный.

Резко поднявшись с любимого кресла, я твёрдым шагом направилась к чайнику. Щёлк – кнопка поддалась с привычным щелчком, и прибор ожил, тихонько заурчав. Из холодильника торжественно извлекла главных героев момента – медовые пирожные, золотистые, пропитанные сладким нектаром, манящие своим медовым ароматом.

Устроившись за столом, я с почти ритуальной сосредоточенностью насыпала в кружку щедрую порцию растворимого кофе, добавила две ложки сахара – ровно столько, чтобы горечь растворилась в приятной сладости. Взгляд то и дело скользил к окну: небо за ним неуловимо менялось, наливалось свинцовой тяжестью.

Тишину разорвал бодрый сигнал чайника – вода вскипела. Я неторопливо залила кофе кипятком, помешала, наблюдая, как кружатся в воде золотистые вихри. Первый глоток – и тепло разливается по телу, снимая напряжение, словно невидимые тиски ослабили хватку.

Наконец-то можно расслабиться. Я вновь опустилась в

мягкое, уютное кресло напротив панорамного окна. За стеклом уже вовсю хозяйничала вьюга – снежинки кружились в бешеном танце, постепенно скрывая очертания города. Удивительно, ведь ещё полчаса назад небо сияло кристальной чистотой: ни единого облачка, ни малейшего намёка на непогоду.

А ведь именно сегодня мы должны были ехать на базу с банькой... Мысль обожгла с новой силой, раскручивая в сознании вихрь ядовитых образов. И как, интересно, осёл Валерка собирался крутить шашни с гадюкой Веркой там? В предбаннике? За столом с закусками? Или прямо на моих глазах стал бы её лапать, делая вид, что это просто дружеские объятия?

В памяти снова всплыл тот подслушанный разговор за несколько часов до Нового года. Как этот осёл, понизив голос, клялся гадюке в чистой и вечной любви, рассыпался в клятвах, а меня... меня называл жалкой и никчёмной. Слова врезались в сознание, словно выжженные кислотой: «Она ничего не стоит. Просто привычка. А ты – другое дело...»

На губах заиграла едкая усмешка. И как же я могла забыть, что домик арендован на моё имя? План мести сам собой начал складываться, обретая чёткие очертания. В воображении уже рисовались сцены: их растерянные лица, когда...

Именно в этот момент я услышала, как кто-то скребётся в окно. Звук был тихий, но отчётливый – будто чьи-то когти по

стеклу. Отставив кружку с тёплым кофе на стол, я медленно поднялась с мягкого кресла.

Сквозь снег ничего не было видно. Подумав, что мне послышалось, я выдохнула – но не успела даже вернуться на место, как краем глаза заметила огромные когти, проступающие сквозь метель.

Я взвизгнула и бросилась бежать. И тут возникла первая загвоздка: куда?

На улицу – точно нельзя. Там метель и холодрыга! Хотя я и не боюсь холода, но морозить нос всё же не хочется. Да и чудовище с когтями – оно ведь именно там!

Я стояла посреди своей небольшой студии и судорожно соображала.

Со стороны окна вновь раздался скрежет – и едва уловимый стук.

– Кыш! Брысь! – крикнула я, прижимаясь к стене. Для пущей убедительности швырнула в окно тапок.

В голове царил полный хаос: мои внутренние «тараканы» бились в истерике.

За окном показалось огромное белое крыло – будто сотканное из тысячи мелких снежинок. А следом возникла голова огромной снежной... птицы?

Я закричала так, что, казалось, сейчас лопнет вся стеклянная посуда в квартире.

– Не ори, больная, – вдруг раздалось у меня в голове.

У меня в голове. Мужской голос. Голос в моей голове!

Я подавилась воздухом, пытаюсь осмыслить происходящее. Мозг отказывался принимать реальность: голоса в голове – это же явный признак... чего-то очень нехорошего.

– Помоги, дура! – снова прозвучало внутри черепа, и я, не выдержав, опять перешла на крик.

– Ты совсем ошалелая?! Чего орёшь, как дурная? – голос в голове явно терял терпение.

И тут я увидела их – пронзительно голубые глаза, сверкающие в снежной круговерти за окном. Птица? Нет, слишком большие... слишком осмысленные.

Второй тапок со свистом пролетел в сторону окна, врезавшись в раму с глухим стуком.

– Ну точно прибитая морозом! – прокомментировал голос, и в нём явственно прозвучало раздражение.

Теперь я была абсолютно уверена: этот невыносимый голос принадлежит... этой... этому... Да чёрт разберёт, кто это!

Существо за окном явно не собиралось исчезать, а его глаза, казалось, прожигали меня насквозь сквозь стекло.

– Ты... ты... курица замороженная! – снова выкрикнула я, сама понимая, насколько нелепо звучит обвинение в адрес... кого бы то ни было. – Брысь отсюда!

Ну всё! Измена парня повлияла на мой мозг – и теперь мне каюк! Я разговариваю с курицей. В окне седьмого этажа!

Из груди вырвался нервный смешок, переходящий в истерический хохот. «Курица! На седьмом этаже! В метель!» –

мысли метались вместе с истеричными «тараканами».

А птица – если это вообще была птица – склонила голову, явно прислушиваясь к моему безумию. Её глаза, пронзительно голубые, словно сверлили меня насквозь.

– Ненормальная! – снова прозвучало в голове, и я аж подпрыгнула.

– Это я-то ненормальная?! – взорвалась я, сжимая кулаки. Голос в голове, птица за окном... Что дальше? Говорящая мебель? – А ну кыш отсюда, голубь облезлый!

Я вооружилась шваброй – неуклюжим, но внушительным оружием в этой не совсем реальной битве. Сердце колотилось где-то в горле.

«Ну уж нет, моя кукуха сегодня точно не уедет!» – выкрикнула я, замахиваясь шваброй и рывком открывая окно.

Холодный воздух ворвался внутрь, взметнув занавески. Нечто за стеклом глянуло на меня – не испуганно, не агрессивно, а как-то... обречённо. И вдруг камнем полетело вниз.

– Нет! – закричала я, инстинктивно протягивая руку вслед за исчезающей в метели фигурой.

Прежде чем птица скрылась в белой круговерти, я успела заметить: на белоснежном крыле расплзается алое пятно. Кровь. Настоящая.

– Помогите! – голос донёсся уже не из головы, а откуда-то снизу – хриплый, надломленный, но безошибочно знакомый.

Я метнулась к окну, едва не поскользнувшись на паркете.

Внизу, цепляясь одной рукой за хлипкое ограждение балкона первого этажа, висел... человек? Птица?

Существо, в котором причудливо смешались и то, и другое. Его правая рука – ну, точнее, крыло – теперь я видела это отчётливо – безвольно свисало.

Прежде чем мой мозг успел осознать, что происходит, я бросилась помогать... А кому, собственно, помогать?

В вихре метели передо мной было нечто среднее между человеком и птицей – существо с мощным телосложением, и с огромным белоснежным крылом. Его лицо, искажённое болью, казалось почти человеческим, если не считать пронзительно-голубых глаз, в которых отражалась вся ярость зимней бури.

Я обхватила его руку, пытаюсь приподнять. Но куда там! Мужик – или кто он там был – оказался невероятно тяжёлым. Каждая мышца в моём теле напряглась до предела, но сдвинуть его даже на сантиметр не получалось.

В голове пронеслось: «У меня скорее пупок развяжется, чем я его хоть немного смогу приподнять!»

– Ты тяжёлый! – я попыталась перекрычать завывающий ветер. – Подожди! Я сейчас в службу спасения позвоню. Ты только держись!

Голубые глаза поднялись на меня. И только сейчас я разглядела, что правый уже начал заплывать кровью. Тонкая алая струйка стекала по виску, смешиваясь со снежинками.

– Отойди... от окна, – с трудом выдавил он.

В ту же секунду его пальцы соскользнули с металлической перекладины. Я в ужасе шарахнулась в сторону, едва успев отпрянуть от края.

Метель словно только этого и ждала – с яростным воем усилилась, взметнув снежные вихри до самого неба. И в этот самый момент в мою квартиру через распахнутое окно влетела... огромная птица?

Хотя, может, это и не птица вовсе?

Птица закричала, словно старый сустав, не желающий сгибаться, – и в тот же миг на полу оказался голый мужчина. Только вместо правой руки – окровавленное белое крыло, нелепо распластанное по паркету.

Я вскрикнула – скорее от неожиданности, чем от страха, – и метнулась к окну. Руки дрожали, пока я пыталась закрыть перекошенную раму: метель успела разворотить крепления, и створка ходила ходуном. Наконец, с усилием захлопнув окно, я обернулась.

– Кто ты такой? – голос прозвучал тоньше, чем хотелось.

Мужчина не ответил. Он лежал неподвижно, лишь грудь едва вздымалась в прерывистом дыхании.

Схватив с дивана плед, – я зажмурилась и кое-как прикрыла его. Получалось неуклюже: крыло мешало, сбивало ритм движений.

– Эй... – я ткнула в него шваброй, сама не понимая, зачем это делаю. Мужчина даже не пошевелился.

– Ты чего это удумал?! – отбросив швабру, я упала на ко-

лени рядом с ним.

Старалась не смотреть на крыло – белое, в багровых разводах, – и сосредоточиться на лице.

Бледное, с резкими чертами, оно казалось высеченным из камня. Сначала я осторожно похлопала его по щекам. Без результата. Потом, теряя терпение, начала хлестать по лицу – сначала сдержанно, потом всё сильнее.

– Ты точно больная, – процедил он, морщась. – Так даже с преступниками не поступают.

– Ты кто такой? – повторила я, чувствуя, как внутри всё дрожит.

Он медленно открыл глаза – и я потерялась в их глубине. Не просто голубые, а словно древний ледник: холодные, прозрачные, с прожилками тысячелетнего льда. В них читалась такая усталость, что на мгновение мне стало не по себе.

– Арон... Меня зовут Арон.

Глава 2. Узор из инея

– Я имела в виду, кто ты по виду? Мутант? Жертва генетических экспериментов? Тебе вживили ген курицы? – выпалила я, не скрывая скепсиса.

Мужчина скривил своё вполне приятное лицо – резкие скулы, прямой нос – и выдохнул с явным раздражением:

– У вас тут что, воздух какой-то заражённый?

Я напряглась. Про наш воздух и правда много пишут: и что его видно, и что он имеет множество запахов – будто многослойный коктейль из промышленных выбросов, цветочных ароматов и сырости после дождя. Но чтобы воздух делал такое с человеком?! Или всё же с птицей?

– Ты чего так смотришь на меня? – неуверенно спросил он и слегка тряхнул головой, отчего белоснежные волосы упали на открытый лоб.

– А... эм... Просто думаю, в каком районе города ты был, что тебя так потрепало...

– А при чём тут я? – он слегка наклонил голову, и в его взгляде мелькнуло искреннее веселье.

– Ну... – я запнулась, но тут же осеклась, внезапно поняв подтекст его слов. – Подожди! Это что, камень в мой огород?!

Я подскочила на ноги от возмущения, с трудом сдерживая порыв пнуть этого... этого крылатого нахала.

– Если снова соберёшься орать, предупреди, чтобы я успел закрыть уши, – произнёс мужчина, подтягивая левой рукой плед. – И дай мне уже что-нибудь другое накинуть на себя.

Ну всё, моему терпению пришёл конец. Я бросилась к окну и, распахнув его настежь, заорала:

– А ну проваливай, голубь мутированный!

– О боже, – он прикрыл глаза и устало выдохнул. – Разве можно так поступать с тем, кто едва не помер? И, между прочим, из-за тебя!

Я вновь подавилась воздухом.

– Из-за меня?! Да ты, мужик, совсем обалдел, что ли?!

– Арон. Это моё имя, а не «мужик», «голубь» или «кураца». И я – снежный феникс. Генерал королевского войска Севера, – в его голосе звучала такая неподдельная серьёзность, что я не выдержала и разразилась истеричным смехом.

Арон приподнялся на локте, морщась от боли, но не сводя с меня пристального взгляда. Его глаза – эти невозможные, ледяные озёра – вдруг сосредоточились на моих волосах.

– Что с твоими волосами, Эва? – спросил он тихо, почти задумчиво.

Мой смех резко оборвался.

– Ты адресом ошибся. Я не Эва, – произнесла я медленно, пристально вглядываясь в его лицо. Ни тени смущения, ни намёка на шутку – он выглядел абсолютно уверенным в

своих словах.

– Я никогда не ошибаюсь. Ты – Эванджелина Дэ Лэйд, принцесса Севера. Только я никак не могу понять, что с твоими волосами?

Его голос звучал так твёрдо, так уверенно, что на мгновение я сама засомневалась.

Обхватив себя руками – то ли от пронизывающего холода, ведь окно всё ещё было открыто, то ли от странного внутреннего трепета, – я медленно подошла ближе.

– Слушай, Арон, – произнесла я, стараясь, чтобы голос не дрогнул, – ты ошибаешься. Я – Аврора. Аврора Алис. А тебе нужно в больницу.

«В психиатрическую», – мысленно добавила я, но тут же устыдилась собственной мысли. В конце концов, человек явно пострадал – и физически, и, похоже, душевно.

– Нет! Ты ведь видишь меня! Ты – Эва!

Опять он за своё! Я сжала кулаки, чувствуя, как нарастает раздражение, смешанное с растерянностью. Как объяснить человеку очевидное, если он отказывается это видеть?

– Слушай, возможно, тебя сильно ударили по голове. Я – Аврора, и никакая я не принцесса, а обычная девушка, – мой голос звучал твёрже, чем я себя чувствовала. Внутри всё ещё пульсировало странное ощущение – будто где-то на периферии сознания шевелится что-то забытое, чужое.

Наш разговор становился каким-то сюрреалистичным, будто я провалилась в чужой сон.

– Твои опекуны разве не рассказали тебе о Севере? – Арон смотрел на меня с такой настойчивой надеждой, что мне стало не по себе.

Та-ак! Ну вот эту тему я никогда в жизни не буду затрагивать – и ему не позволю.

Резко развернувшись, я бросилась за телефоном. «Ну всё, хватит, – мысленно твердила я. – Сейчас вызову полицию, а они пусть сами думают, куда его отправлять».

Но не успела я дойти до кресла, как сильные руки сжали меня, не позволяя шевелиться. Меня обдало ледяным дыханием, и на мгновение мир замер.

– Не шевелись, – приказал он тем же ледяным тоном. – И главное – не кричи!

Я смотрела в наше с ним отражение в окне и не могла поверить, что это происходит именно со мной. В тусклом свете настольной лампы картина выглядела сюрреалистично: бледное, измождённое лицо Арона, его спутанные белоснежные волосы, плед, едва прикрывающий наготу, и это немыслимое крыло, бессильно раскинувшееся у моих ног.

Мои длинные чёрные волосы, взъерошенные после всей этой беготни, топорщились в разные стороны, придавая мне вид сумасшедшей учёной из второсортного хоррора.

И вдруг к нашим отражениям добавились тени – призрачные, но отчётливые, пробивающиеся сквозь метель. Я замерла в ужасе, наблюдая, как сквозь снежную пелену проступают очертания крылатой твари.

Её силуэт вырисовывался всё чётче: человеческое лицо, обезображенное ледяными пиками, застывшими на коже, словно острые кристаллы. Чёрные матовые крылья, больше похожие на перепонки летучих мышей, медленно расправлялись за спиной, отбрасывая длинные изломанные тени на пол.

– Нам нужно убраться от окна, – шепнул Арон мне на ухо, и я вздрогнула, когда он неуклюже повёл меня назад, стараясь не потерять равновесие.

Каждое его движение выдавало слабость – он едва держался на ногах, крыло дрожало от напряжения. Но даже в таком состоянии он не ослаблял хватки.

– Направо дверь, там ванная, – выдохнула я, не отрывая взгляда от окна.

Плед, зацепившись за его крыло, с тихим шорохом упал, полностью обнажая Арона. Моё дыхание сбилось – не от стыда, не от смущения, а от леденящего ужаса, который сковал всё тело.

Рука, державшая меня в тисках, напряглась – и вдруг разжалась. Арон резко повернулся, толкнул дверь ванной, и мы оба ввалились внутрь.

– Кто эти твари?! – зашептала я, едва переступив порог. Оборачиваться к Арону я не спешила – памятуя о его наготe, чувствовала, как горят щёки. – И почему, чёрт возьми, ты голый?!

Он коротко усмехнулся, и в этом звуке не было ни капли

веселья.

– Ты хоть раз видела феникса в одежде? А, ну да, ты ведь вообще не знаешь о нас!

Нащупав на двери тот самый халат с пандами – который ещё утром собиралась сжечь, – я резко сорвала его с крючка и бросила Арону через плечо.

– И что это за тряпка? – его голос прозвучал скептически, почти насмешливо.

– Это халат, – рывкнула я, не оборачиваясь. – Его нужно надеть на себя! Хотя бы ради приличия.

Сзади послышалась непонятная возня и сдавленный стон.

– Аврора, ты издеваешься? Как я его натяну на крыло?

– Так убери его, – не оборачиваясь, бросила я.

– Не могу!

Весь наш диалог шёл вполголоса, но я чувствовала, как Арон теряет терпение.

– И почему же ты не можешь? Ты ведь превратился в человека!

Ванную озарило странным голубым свечением. Не удержавшись, я посмотрела за спину и чуть не вскрикнула.

– Что это?! – голос дрогнул, а пальцы невольно вцепились в край раковины.

Арон осторожно отодвинул перья на крыле, открывая рану. Из неё торчал ледяной обломок – именно он источал это призрачное сияние, пульсируя в такт с едва слышным гулом.

– Тише, – он приложил палец к губам, взгляд оставался

настороженным. – Тех, кого ты видела в окне, называют гарпиями. Это... – он осторожно коснулся ледяного осколка, – ледяная стрела, которую они выпускают из своих крыльев. И пока она во мне, я не могу закончить трансформацию.

Нужно отдать должное фениксу – он хотя бы прикрыл стратегически важные места. Поэтому сейчас я могла спокойно смотреть ему в глаза. Ну, практически. Всё же его торс отвлекал меня: рельеф мышц, переходящий в переливающееся оперение на плечах, выглядел до странности гармонично. Я невольно задержала взгляд на линии ключиц, где кожа плавно переходила в нежные перья.

– Вытащи его.

– Чего? – ошарашенно спросила я, отступая на шаг. – Я не врач, и вообще крови боюсь!

– Гарпии идут на запах моей крови, – тихо, но твёрдо произнёс Арон. – И если ты не поможешь мне, они рано или поздно достанут нас.

Я сглотнула, чувствуя, как к горлу подступает ком. Взгляд вернулся к ране: ледяной осколок по-прежнему пульсировал голубым светом, а вокруг него проступали кристаллики инея, расплзающиеся по коже.

– Я очень боюсь, – призналась я, сжимая и разжимая кулаки. – И не смогу.

Арон медленно поднял глаза. В его взгляде не было упрёка – только спокойная, почти ледяная решимость.

– Аврора, – выдохнул он, – пока ты достаёшь стрелу, я

тебе расскажу о... – он замолчал, явно подбирая слова, – о том, благодаря кому я оказался в этом состоянии.

Я замерла. Любопытство – глупая, неуместная сейчас черта – всё же шевельнулось внутри.

Из комнаты послышался треск стекла, и я едва смогла сдержать крик. Дрожащими руками проверила щеколду, затем, схватив полотенце, опустилась на колени, чтобы достать льдинку.

– Я пошёл против воли короля Владимира, – начал Арон, облокотившись на ванну. – Он потребовал от меня невозможное. То, чего я не смог бы выполнить никогда в жизни.

Я аккуратно обмотала ледяной осколок полотенцем, но даже сквозь толстую махровую ткань ощущала жжение – будто тысячи ледяных игл пронзали кожу. Холод пробирался глубже, обжигая руку так, что пальцы немели, а по предплечью пробегала судорога.

– И что же это? – спросила я, сжимая полотенце. Голос дрогнул: холод поднимался выше, к локтю. Я дёрнула ледяную стрелу вверх, чувствуя, как рвутся жилы феникса.

– Владимир Дэ Лэйд приказал убить свою сестру. Он приказал убить тебя, Аврора.

Осколок выпал из моих дрожащих рук – и с глухим, почти издевательским треском проломил кафель, вонзившись в пол ванной комнаты.

Арон опустился рядом со мной на корточки. Его крыло медленно, почти неохотно трансформировалось, превраща-

ясь в человеческую руку. Движения были плавными, гипнотическими – будто он не спешил расставаться с иной своей сущностью. Когда его ладонь коснулась моей, я вздрогнула: тепло его кожи контрастировало с ледяным онемением, уже сковавшим мои пальцы до самых локтей.

– Я отвлеку их, и уведу подальше от тебя, – прошептал он, сжимая мои пальцы. – А тебе оставлю карту и своё воспоминание. Как придёшь в себя – следуй за инеем на руке.

Я попыталась сфокусировать взгляд. Тыльную сторону ладони сковывал мороз – но не жгучий, а странно успокаивающий. Иней вычерчивал на коже причудливый узор: ветвистые линии расходились от запястья к пальцам, пульсируя тусклым голубым светом, будто по венам растекалась застывшая память.

За дверью грохнуло так, что задрожали стёкла. Щеколда заскрипела, по зеркалу пробежала паутина трещин. Арон резко поднялся.

Щёлкнула щеколда. Дверь распахнулась, и в проём хлынул поток ледяного ветра, смешанный с пронзительными криками гарпий – звуками, больше похожими на скрежет льда, чем на голоса. Арон шагнул вперёд – и на мгновение растворился в снежной буре, оставив после себя лишь вихрь мерцающих снежинок, кружащихся, как пепел после падения звезды.

Тишина обрушилась внезапно, будто мир затаил дыхание. Я осталась одна.

Глава 3. Тихий шёпот

Сердце колотилось где-то в горле – так, что каждый вдох давался с трудом. Я не могла пошевелиться, не могла дышать. Всё, что происходило, казалось сном, но холод на руке был реален. Узор из инея пульсировал, словно живой: не просто украшал кожу, а указывал путь – будто таинственный компас, встроенный в моё тело.

С трудом поднявшись с пола, я вышла из ванной и замерла. Комната выглядела так, будто через неё пронёсся ураган. От окон остались лишь острые клыки осколков, рассыпанных по полу. Стол был перевернут, шкафы распахнуты настежь, посуда разбита – черепки смешались с обрывками бумаг и клочьями ткани.

Где-то внутри начинала клокотать злость – горячая, обжигающая. Но вместе с ней росло и непонимание, холодное, как тот самый иней на руке.

Слова Арона – «Он приказал убить тебя. Владимир Дэ Лэйд приказал убить свою сестру» – врезались в сознание, как осколки стекла, и теперь каждый раз, когда я пыталась думать о чём-то другом, ранили снова.

Я не помнила своё детство. Совсем.

Первое отчётливое воспоминание связано с опекунами – пожилыми супругами, у которых я оказалась, когда мне исполнилось семь.

Три дня. Всего три дня я прожила под их крышей. А потом...

Потом дом вспыхнул, как спичка.

Огонь был ярким, почти праздничным – так странно контрастировал с криками, с запахом гари, с тем, как быстро всё превратилось в пепел. Опекуны погибли. Я чудом выбралась, почти не пострадав, если не считать нескольких ожогов на спине.

После этого – тур по детским домам. Один за другим: холодные коридоры, одинаковые кровати, равнодушные взгляды воспитателей. Я училась не привязываться. Училась молчать. Училась не задавать вопросов о прошлом – потому что никто не знал ответов.

Сквозняк, разгоняющий снежинки по моей некогда уютной квартире, заставил меня поёжиться. Остатки плотных штор трепетали на сквозняке, словно раненые птицы, лишь омрачая и без того бедственную картину.

А ведь не так давно, когда я узнала, что мой парень изменяет мне с лучшей подругой, мне казалось: хуже уже быть не может. Но нет – вселенная «подкинула» мне феникса, который перевернул весь мой мир.

Чем больше я думала об Ароне, тем чаще невольно тянулась рукой к запястью. Узор из инея жил своей жизнью – то едва теплился тусклым серебром, то вспыхивал холодным огнём, будто реагировал на мои мысли. Его прикосновение к коже было странным: одновременно ледяным и обжигаю-

щим, чуждым и до боли родным.

Он звал. Не словами – ощущениями. Волнами тепла, что поднимались от запястья к плечу, едва заметными импульсами, заставлявшими сердце биться чаще. Я чувствовала направление – не географическое, а какое-то иное, глубинное. Словно узор знал путь к разгадке, к истине, к тому, что я так долго искала, даже не осознавая этого.

Но я сопротивлялась.

Нашла под обломками мебели телефон, экран был в трещинах, но, к моему удивлению, ещё живой. Потом, с усилием распахнув перекошенную дверцу сломанного шкафа, вытащила куртку, штаны и ботинки. Движения были рваными, почти бессознательными – будто тело действовало само по себе, пока разум всё ещё пытался осмыслить случившееся.

Я стояла на пороге, не понимая, что делать дальше. Идти мне было некуда. Всё, что у меня было, – эта квартира. Она была для меня убежищем, островком стабильности в хаотичном мире.

Здесь я пряталась от проблем, зализывала раны, строила планы, которые так и не решалась воплотить. Здесь, за этими стенами, я могла быть собой – без масок, без притворства. Каждый угол, каждая царапина на паркете, каждая потёртая книга на полке – всё это было частью меня.

А теперь... теперь это место больше не моё. Разбитые окна, разбросанная мебель, ключья штор, танцующие в сквозняке, – будто кто-то взял и разорвал на части самую суть этого

пространства.

Я провела рукой по косяку двери – шершавому, знакомому до последней трещинки. Когда-то я думала, что это просто жильё. Потом – что это мой дом. А теперь понимаю: дом – это не стены. Дом – это ощущение безопасности, которое они давали. И его больше нет.

Я глубоко вдохнула, пытаюсь собраться с мыслями. Что дальше? Куда идти?

Взгляд невольно упал на руку. Узор из инея тускло светился, пульсировал, словно живое сердце. Он был единственным ориентиром в этом хаосе. Единственным «почему» среди множества «как» и «куда».

– Ладно, – прошептала я, сжимая пальцы в кулак. – Если это всё, что у меня осталось... значит, пойду за ним.

Сделала шаг вперёд, переступив невидимую черту между прошлым и неизвестностью. Дверь за спиной тихо скрипнула, будто прощалась.

«Так, Аврора, успокойся и просто поднимись наверх. Вдруг Арон спрятался от гарпий где-то на чердаке? И это именно он сейчас ведёт тебя туда», – мысленно подумала я и решительно начала подниматься вверх по лестнице.

Два последних этажа преодолела на чистом энтузиазме – ноги дрожали, дыхание сбивалось, но я упорно шагала вверх по обшарпанной лестнице, цепляясь за холодные перила. Дверь на чердак встретила меня глухим скрипом: петли протестующе заныли, будто не желали пускать внутрь. Я

надавила сильнее, и после недолгой борьбы створка со скрежетом подалась, открыв путь на тёмный чердак.

Я шагнула через порог – и словно перенеслась в иное измерение. Пыльное, полутёмное пространство чердака дышало тишиной и забытым временем. Единственным окном здесь было круглое отверстие в стене – почти в мой рост. Лунный свет, пробивавшийся сквозь него, выхватывал из сумрака лишь узкий край пола у самого окна. Там, на досках, лежал тонкий слой снега – будто кто-то аккуратно припорошил пол серебряной пудрой.

Холод пробирал до костей, но это был иной холод – не резкий, уличный, а глухой, устоявшийся, пропитавший каждую доску, каждый клочок паутины, свисавшей с балок. Зато здесь не было битого стекла, осколков и беспорядка, которые превратили мою квартиру в поле боя. Это уже казалось роскошью – просто находиться в помещении, где ничто не угрожает порезами и ранами.

Достав телефон, я включила фонарик. Узкий луч света заплясал по стенам, выхватывая из темноты причудливые силуэты: старые ящики, сложенные друг на друга, покосившийся стеллаж с пустыми полками, обрывки газет, прилипших к стенам. В дальнем углу, почти у самой стены, я заметила внушительную стопку пожелтевших газет и бумаг. Не раздумывая, села на них. Бумага захрустела под весом тела, взметнув облачка пыли, которые медленно оседали в луче фонарика, словно крошечные звёзды в мини-вселенной. Бы-

ло неудобно, но почему-то спокойно.

Я даже успела задремать. Но резкий, пронзительный сигнал проезжающей мимо пожарной машины разорвал эту дремоту, заставил подскочить, будто меня ударило током.

Этот звук... Я боялась его не меньше, чем самого огня. Он врзался в сознание, пробуждая давний, почти забытый ужас – тот самый, что когда-то застал меня врасплох, оставив лишь пепел и осколки. Сердце заколотилось в горле, дыхание сбилось, а ладони мгновенно стали влажными.

Дрожа от первобытного, почти животного ужаса, я поднялась и, едва чувствуя под собой ноги, подошла к круглому окну. Лунный свет заливал узкий край пола, выхватывая из темноты причудливые тени. И тут мой взгляд зацепился за нечто странное: на ржавом гвозде, вбитом прямо у края подоконника, висел шнур с подвешенным к нему камнем.

Я замерла, всматриваясь. Камень выглядел... неправильным. Чёрный, с неровными, зазубренными краями, он словно поглощал свет, а не отражал его. Его поверхность была испещрена едва заметными бороздками – не природными, а будто выгравированными чьей-то рукой.

Неуверенно протянув руку, я коснулась его. Камень оказался холодным – не просто прохладным, а пронизывающе ледяным, будто хранил в себе вековую мерзлоту. Пальцы невольно сжались вокруг него, и в тот же миг по коже пробежали мурашки – не от холода, а от странного, почти электрического покалывания.

Я покачнулась, едва удержав равновесие, – чердак начал расплываться, растворяться в туманной дымке. Стены, пыльные ящики, круглое окно с лунным светом – всё стёрлось, словно кто-то смахнул картину влажной тряпкой.

На месте чердака возникла резная беседка изо льда. Её прозрачные грани переливались голубым, отражая невидимый источник света. Каждая деталь была выточена с невероятным мастерством: арки в виде сплетённых ветвей, узоры, напоминающие морозные кружева на зимнем окне, тонкие колонны, будто выросшие из самого воздуха.

В центре беседки стояла маленькая девочка. Длинные белоснежные волосы, заплетённые в тугую косу, спускались почти до пояса. На ней было тёплое голубое платье и белая меховая накидка, но, несмотря на это, её плечи слегка подрагивали, будто от холода. Из голубых глаз текли слёзы – не обычные, а сверкающие, как жидкий хрусталь. Падая на ледяной пол, они превращались в крошечные кристаллы, которые тут же рассыпались на тысячи искрящихся осколков.

Это что, видение?.. Нет! Это было воспоминание. Резкое, яркое, почти болезненное. Фрагменты прошлого, погребённые глубоко внутри, теперь рвались наружу, как вода сквозь треснувший лёд.

«Арон...» – пронеслось в голове. – «Он что-то говорил о воспоминании!»

– Эва?! – раздался звонкий мальчишеский голос. – Ну и чего ты убежала?

Девочка обернулась, и я увидела того, кому принадлежал этот голос.

У входа в ледяную беседку стоял мальчик лет двенадцати. На нём были серые штаны и тёплая замшевая куртка, слегка потрёпанная по краям – видно, что он не раз забирался в места, где нужно было продираться сквозь заросли или карабкаться по скалам. Его белоснежные волосы взъерошились, будто он только что бежал, а в глазах светилась смесь тревоги и упрёка.

Заметив слёзы на щеках Эвы, он бросился к ней. В его движениях не было ни капли показной бравады – только искренняя, почти взрослая забота.

– Что с тобой, Эва?! – Мальчик уже стоял рядом, внимательно всматриваясь в её лицо. – Ушиблась? Где?

– Арон... – жалобно протянула девочка, и её голос дрогнул. – Я боюсь его.

– Ну что ты, глупая, – мягко, но твёрдо ответил Арон. – Он ведь твой брат. Он не причинит тебе зла.

Эва нахмурилась, вытерла слёзы тыльной стороной ладони, и в этом простом движении я уловила всю её обиду, страх и непонимание.

– У него глаза злые! – выпалила она. – И сам он весь злой! Он плохой!

Арон не рассмеялся, не отмахнулся от её слов. Вместо этого он сжал ладони Эвы в своих руках – крепко, но бережно, словно боялся сломать её хрупкую веру в него.

– Малышка, – его голос стал тише, но от этого звучал ещё веселее, – хочешь, я дам тебе клятву, что никогда не позволю Владимиру навредить тебе?

Арон опустился перед Эвой на колени. В его глазах читалась непоколебимая решимость. Не говоря больше ни слова, он вытащил из-за пояса небольшой ледяной кинжал – прозрачный, словно выточенный из самого морозного воздуха, с лезвием, переливающимся голубыми искрами.

Одним точным движением он сделал небольшой разрез на своём пальце. Алая капля выступила на коже, но Арон даже не поморщился. Затем, с той же сосредоточенной бережностью, коснулся кинжалом безымянного пальца Эвы и сделал аккуратный надрез.

Осторожно соединив их пальцы, он посмотрел девочке прямо в глаза. Его голос звучал тихо, но твёрдо – каждое слово отдавалось эхом в ледяной беседке, будто само пространство внимало клятве.

– Клянусь, Эванджелина Дэ Лэйд, беречь тебя, как свою наречённую. Заботиться о тебе, как о своей любимой. И защищать тебя, как свою королеву.

– Арон, – Эва звонко рассмеялась, и её голос, словно колокольчик, разнёсся по ледяной беседке, – ты самый лучший! А покажи мне феникса!

Арон улыбнулся, сложил ладони вместе, задержал дыхание на миг – и вдруг развёл руки. Между ними, трепеща снежными перьями, возникла маленькая птичка. Она была

словно сотворена из вихря морозного воздуха: полупрозрачная, искрящаяся, с крыльями, переливающимися всеми оттенками голубого и серебристого. Феникс сделал круг над головой Эвы, обдав её лёгким ветерком, от которого по коже пробежали мурашки.

– Смотри, что ещё покажу, – сказал Арон, его глаза светились теплом.

Он взял её руку, бережно провёл большим пальцем по запястью. В тот же миг на коже расцвёл узор из инея – тонкий, изящный, словно вытканый невидимой мастерицей. Линии переплетались, образуя замысловатый орнамент, который мерцал в лунном свете.

– И что это? – Эва наклонила голову, пытаясь разглядеть рисунок.

– Какая же ты глупая, Эванджелина, – мягко усмехнулся Арон. – Это карта. Она приведёт тебя ко мне. Чтобы ни случилось. Куда бы ты ни пошла, что бы ни произошло – она покажет путь.

Воспоминание дрогнуло, рассыпалось на тысячи искрящихся осколков – и перед глазами вновь возник пыльный чердак.

Я стояла, всё ещё чувствуя холод камня в руке, и машинально трогала небольшой шрам на безымянном пальце. Он был едва заметен, но теперь я вспомнила – это след от ледяного кинжала. След клятвы.

Глава 4. Хрустальное кольцо

Возвращение воспоминаний оказалось мучительным – будто кто-то рвал изнутри старые раны, вытаскивая на свет то, что было скрыто даже от меня самой.

Тринадцать лет я жила, не зная своего прошлого. И вот завеса тайны отодвинута. Но хочу ли я принять своё прошлое? Хочу ли снова стать Эванджелиной Дэ Лейд?

Нет! Определённо нет!

И всё же у меня остались вопросы, на которые может ответить только Арон. А это значит, я должна найти его – во что бы то ни стало!

Ну, молодец я, конечно! Отлично придумала. Но даже если иней на руке приведёт меня к нему, то как я попаду в мир Севера? Не думаю, что он находится где-то между Аляской и Чукоткой!

Так, ладно! Для начала мне нужно разобраться с насущными проблемами – понять, где всё-таки ночевать. Не на чердаке же оставаться! А уже завтра подумаю, как добраться до Севера.

Я начала расхаживать по чердаку, меряя шагами пыльные доски, и мысленно перебирала варианты. Их было не много. А если точнее – всего один.

В моей квартире ещё сохранилась ванная комната – почти целая, без серьёзных повреждений. И главное – от змеевика

с горячей водой шло спасительное тепло.

Вернувшись в квартиру, я собрала всё, что могло сойти за спальные принадлежности, и устроилась в ванной, предварительно выбросив оттуда стрелу гарпии. Добыв из холодильника остатки продуктов и поставив телефон на зарядку, я наконец смогла расслабиться и уснуть.

Во сне я то и дело возвращалась в беседку. Снежные витражи на стенах мерцали, отражая лунный свет, а Арон... Его взгляд, такой внимательный, такой серьёзный, будто он видел во мне не испуганную девочку, а кого-то большего. И чем чаще я вспоминала эти мгновения, тем яснее понимала: маленькая Эва была влюблена в него. Не детской влюблённостью, не мимолётно – а глубоко, отчаянно, всем существом.

Проснулась резко, от навязчивого шёпота, доносящегося из комнаты. Сперва подумала – это эхо сна, отголосок забытых слов. Но шёпот не исчезал. Слов было не разобрать – лишь бессвязное бормотание, прерывистое, словно речь сквозь сон. И ещё слышала едва уловимый звук, будто льдинки стучали друг о друга, как хрустальные колокольчики на ветру.

Сдержав порыв забаррикадироваться в ванной – хоть за стиральной машинкой, хоть за стопкой полотенец, – я тихо-тихо отодвинула щеколду и, едва дыша, вышла в комнату.

В ней никого не было – кроме вихря снежинок, круживших в лунном свете. Они танцевали в воздухе, то сбиваясь в плотную завесу, то рассеиваясь, обнажая тёмные углы ком-

наты. Только теперь шёпот стал яснее. И это был не шёпот, а колыбельная. Знакомый женский голос отдавался острой, щемящей болью в районе сердца, будто касался давно зажившей, но так и не забытой раны..

Я замерла, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть этот миг. Мелодия лилась, словно из самой сердцевины снежного вихря – тихая, дрожащая, но отчётливая.

*Спи, моя девочка, спи под луной,
Где северное сияние – как пелерина из ткани ночной.
Оно опускается тихо, как сон,
Освещая тебе путь, как закон.
Ключ твой – не железо, не медь,
Он – из хрусталя, что может открыть.
Его ты соберёшь по крупицам света —
Из маминей песни, из северного лета.
Он откроет не дверь, а судьбу,
Где ты – не потерянная, а найдена вновь.
Где страх – не враг, а лишь тень,
А ты – свет, что не гаснет в снегах.
Спи.*

*Пусть снится тебе, как сияние ложится
Кольцом вокруг сердца, как нить.*

Ты – не одна.

Ты – север.

Ты – свет.

Спи...

Я с тобой.

Всё внутри меня дрожало. Я узнала этот голос, узнала эту колыбельную. Новое воспоминание накрыло меня с головой, словно ледяной вихрь, уносящий в прошлое.

– Милая, – мама допела свою колыбельную и провела ладонью по моим волосам. Её прикосновение было таким тёплым, таким настоящим. – Ты чего не спишь?

– Мам, поспи сегодня со мной. Мне страшно.

Она не стала спорить, не стала уговаривать лечь спать. Просто откинула одеяло и легла рядом, придвинувшись ближе.

– Ты ведь на Севере, здесь тебе нечего бояться.

– А если так случится, что я потеряю Север? Он ведь скрыт за Северным сиянием.

Мама тихо рассмеялась – звук, похожий на перезвон хрустальных колокольчиков. Она повернулась ко мне, и в её глазах отражалось сияние, пробивающееся сквозь оконное стекло.

– Эва, – она улыбнулась, прижимая меня к себе. Её объятия были такими нежными и мягкими, что мои глаза начали смыкаться. – Ты разве забыла, чему тебя учит папа? Каждый, кто покидает Север, имеет ключ, с помощью которого потом может вернуться.

Щёлкнул внутренний переключатель, и я очнулась. Щёки были мокрыми от слёз. Узор на руке пульсировал – мягко, настойчиво, будто хотел поддержать меня, успокоить, ска-

зять: «Я здесь. Ты не одна».

А я растерянно смотрела, как вихрятся снежинки над полом, медленно оседая и растворяясь в лунном свете. Их танец угасал, оставляя после себя лишь холод и тишину.

– Мама... – еле слышно произнесла я, чувствуя, как внутри всё трепещет.

Боль накрыла волной – острой, всепоглощающей. Больно от того, что я каким-то образом забыла о своих родителях, о своём доме, о себе. Как можно было утратить то, что составляло саму суть моего существования?

Всё пережитое за последние сутки навалилось разом – тяжесть неизвестности, страх, одиночество, обрывки воспоминаний, которые то вспыхивали, то гасли, не давая собраться в цельную картину. Ноги подкосились, и я опустилась на холодный деревянный паркет, словно вся сила вдруг вытекла из меня.

Слёзы лились градом, обжигая щёки. Я бы сейчас всё отдала за то, чтобы оказаться рядом с мамой – почувствовать её тепло, услышать её голос, уткнуться в плечо и просто быть с ней. Мне это было жизненно необходимо. Потому что теперь, зная, кого я забыла, моя душа разрывалась от необъятной боли – боли утраты, боли вины, боли возвращения памяти.

И в этот миг, сквозь шум в ушах и биение сердца, снова прозвучали слова – отголосок колыбельной, тихий, но ясный:

– Ключ твой – не железо, не медь,

Он из хрусталя, что может открыть.

Мамин голос звучал эхом, отдаляясь, растворяясь вместе с последним вихрем снежинок.

– Аврора, камень, – в голове вдруг послышался голос Арона. Он был тихим и далёким, будто доносился сквозь толщу воды, из-за горизонта, из другого мира.

Подняв руку, я уставилась на узор на запястье. И вздрогнула.

Он менялся. Плавно, словно оживая, линии перетекали, выстраивались, повторяя до мельчайших изгибов очертания того самого камня, что я нашла на чердаке. Узор пульсировал, подсвечивая кожу мягким голубым светом, будто пытался что-то сказать.

Дрожащими пальцами достала из кармана заветный камень. В тусклом свете он казался обычным – матовый, чёрный, с едва заметными прожилками. Это точно не хрусталь. Но при более внимательном рассмотрении...

Приблизила его к глазам. Да. Точно. На поверхности были выгравированы руны.

– Арон! – в отчаянии закричала я в пустоту. Голос дрогнул, сорвался. – Где ты, когда так сильно нужен?!

Тишина. Только снег за окном, только лунный свет, только биение моего сердца.

Мне нужен был ключ. Тот, что откроет путь домой. Но как его найти? Как сделать? Что значат эти руны?

Я прижалась к холодной стене, уткнулась головой в колени. Мыслей было так много, что они просто не умещались в моём сознании – сталкивались, рассыпались осколками, снова собирались в хаотичные узоры.

И вдруг – лёгкое прикосновение к плечу. Еле ощутимое, как дуновение ветра. Я вздрогнула, резко подняла голову.

От этого движения небольшая снежная птичка испуганно взлетела, взмахнув полупрозрачными крыльями. Она зависла в воздухе на мгновение – искрящаяся, словно сотканная из морозного тумана – и медленно опустилась на подоконник.

Узнавание пришло моментально. Это был тот самый снежный феникс, которого Арон создавал в детстве.

Я протянула к нему свою руку. Феникс посмотрел на меня своими ледяными глазками и осторожно приземлился на раскрытую ладонь. Его коготки сжали шнурок, на котором висел камень.

– Ты хочешь что-то показать? – спросила я, уже не беспокоясь о том, что разговариваю с птицей. Хоть и не настоящей.

Она вновь потянула за шнурок и замахала крыльями. Сняв с руки камень, я положила его на пол. Феникс тут же слетел с моей ладони и опустился к камню. Клювом он начал указывать на символы, вырезанные в поверхности.

– Они что-то значат, да? – прошептала я.

Феникс замахал крыльями, будто кивая.

– Допустим, что это «да». Но как же мне найти, что они означают?

Он вновь взлетел и сел на моё запястье, где пульсировал узор.

– Ладно, – выдохнула я, оглядываясь по сторонам. – Давай попробуем использовать современные технологии.

Поднявшись с пола, я достала из куртки телефон. Сделала кучу фотографий символов на камне – под разными углами, при разном освещении. Экран мерцал, пока я листала снимки, пытаясь уловить закономерность.

Затем погрузилась в поиски. Часами прокручивала страницы форумов, научных статей, мифологических справочников. Глаза уже слипались, но я не могла остановиться.

Феникс не оставлял меня. Время от времени он подлетал, легонько клевал меня в руку – будто говорил: «Не туда смотришь». Я вздыхала, закрывала очередную бесполезную вкладку и начинала новый поиск.

И вот – после бесчисленных «нет», «не то», «близко, но не совсем» – на листке был написан список того, что может потребоваться для ключа.

Мне нужен был камень из горного хрусталя, северное сияние и моя кровь.

Я невесело усмехнулась, оглядывая пустую комнату. Из всего списка реальным была лишь моя кровь – тёплая, текущая по венам, совершенно обычная. Остальное казалось недостижимой фантастикой: где взять горный хрусталь? Как

вызвать северное сияние посреди городской ночи?

Словно в ответ на мои мысли, феникс резко клюнул меня в запястье – не сильно, но ощутимо.

– Ай! Снежик! – вскрикнула я, инстинктивно отдёргнув руку.

Птица склонила голову, будто удивляясь моей реакции. В этот момент в сознании вспыхнул насмешливый голос Арона: «Вспомнила!»

И тут меня накрыло волной воспоминаний.

Да. Я вспомнила имя птицы. Снежик. Маленькое, почти детское прозвище, которое я придумала, когда Арон впервые создал эту снежную сущность из вихря метели.

Но это было не всё.

Вместе с именем птицы в памяти всплыло ещё одно – кольцо. То самое, что висело на металлической цепочке у меня на шее с самого детства. Его нашли на мне после пожара. И я всегда считала его обычным стеклом, но всё равно хранила.

А вдруг...

Вдруг это и есть горный хрусталь?

Я замерла, пытаюсь вспомнить, куда могла положить кольцо. В детдоме всё было просто – прятала его в спичечном коробке, заталкивала поглубже в ящик с бельём. Но потом... потом была квартира. Новая жизнь. Хаос первых дней, когда вещи разбрасывались где попало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.